

*Nadieżda Beliakova*

Russian Academic of Science (Moscow)

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТИЗАЦИИ  
РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ  
И ЕГО ТРАНСФЕР В СТРАНЫ  
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ  
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ<sup>1</sup>**

**The History of the “Sovietization” of Russian Orthodoxy  
and its Export After the World War II**

**ABSTRACT:** In the article ““Sovietization” of Russian Orthodoxy and its export after the World War II” is made an attempt to trace, which processes had taken place in Russian Orthodoxy during the XX century under the direct influence of the institutions of the Soviet state. In the article is introduced the concept of “Sovietization” that previously wasn’t applied as a separate category concerning phenomena of religious life. It includes multidirectional processes, e.g.: dissemination of socialist ideas in the Church circles; process of adapting by the Church leaders and structures of the new Soviet reality; policy of the Soviet authorities, directed to look for instruments and institutions to bring the Church under its control and to take advantage of it; translation and export by the Church leadership of the tasks, set by the Soviet authorities; transfer into the other countries of the Soviet models of relations between state and Church and internal church organization; adoption and adaptation by the Orthodox believers of the existing institutes, practices and values of the socialist state and Soviet society. The structure of the article is following: highlighted are historical stages of Sovietization and later are examined, based on specific historical data, the vectors of Sovietization: changes in the organizational structure of Church and forming of its staffing, adaptation by the religious milieu of the Soviet values and ideological attitudes. Afterwards the article deals with the attempt of transfer of the Sovietization to the Eastern European countries and the tendencies of Sovietization of the Church structures on the territories that were annexed to the USSR during the World War II.

**KEYWORDS:** history of church, sovietization, orthodoxy, russian orthodox church, clergy, USSR

---

<sup>1</sup> Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ. Проект № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

*Она сама несет, правда в специфическом преломлении, советское влияние за границу через свои, сохранявшие русскую самобытность, дочерние организации. Православная церковь имеет в некоторых случаях решающее, в других значительное влияние в странах Восточной Европы, являющихся ареной острой политической борьбы, – ни один другой культ этого влияния не имеет<sup>2</sup>.*

Из докладной записки Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР о направлениях его работы в 1947 г.

После октябрьского переворота 1917 г. и установления в России большевистского режима Православная церковь из господствующей превратилась в гонимую; вместо православного монарха пришла власть, насаждавшая атеизм. Представители церкви пережили беспрецедентные репрессии в 1920–30-е гг., и церковные структуры на территории СССР к началу II Мировой войны были практически полностью уничтожены. После Второй Мировой войны, в ходе которой положение церквей в СССР принципиально изменилось, Русская Православная церковь приняла активное участие в международной политике, в том числе пропагандируя и продвигая идеи Советского государства, в котором понятие «религиозное» сочеталось с одним словом – «пережиток». Что происходило внутри церкви, существовавшей внутри авторитарного атеистического государства? В русской эмигрантской литературе широко было распространено понятие «красная патриархия», «красные митрополиты», чужеродность нового поколения церковных деятелей из Советского Союза остро ощущали руководители церквей Восточной Европы.

Термин «советизация» стал использоваться при анализе влияния СССР на страны Восточной Европы в области культуры, экономики, политики; тогда как российская историография, а тем более историки церкви этим понятием не оперируют. Попытка выделить явления в русском православии, возникшие под прямым влиянием институтов Советского государства, и введение понятия «советизации» даст возможность в какой-то степени объяснить противоречивые явления, происходившие в церковной жизни. «Советизация» – сложное явление, объединяющее разные по своему происхождению и направлению процессы. Автор статьи включает в него следующие процессы:

- 1) распространение социалистических идей в церковной среде и перенос революционных методов борьбы в церковную среду.
- 2) Процесс приспособления церковного руководства и церковных структур к новой, советской действительности. Именно этот процесс вызывал наибольшую критику у радикально настроенной монархической церковной

---

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 47. Л. 203.

эмиграции, считавшей невозможным какие-либо компромиссы с советской властью в виду ее «богоборческого характера».

- 3) Сознательная политика государственной власти, направленная на поиск рычагов, а затем и институтов подчинения церкви собственному контролю и возможности использования ее в своих интересах – как внутренних, так и международных. Здесь необходимо подчеркнуть сочетание насильственных методов воздействия (начиная от прямых репрессий и заканчивая латентной дискриминацией) власти и неравноправного диалога. Специфика воздействия власти на церковные институты заключалась в изначальной идеологической враждебности христианской и коммунистической идеологий; религии, церкви и носителям церковного сознания не было места в советском обществе.
- 4) Трансляция и экспорт церковным руководством задач, поставленных советской властью. Здесь необходимо учитывать дореволюционное наследие: положение церкви в дореволюционное время и поддержание ею идеологического концепта императорской власти. Усвоение церковным руководством советской идеологии в сочетании с привычной защитой «интересов Отечества». В данном случае Церковь выступала как рупор пропаганды советской идеологии, социалистического строительства, советского образа жизни и т.п.
- 5) Перенос на православные церкви других стран советских моделей взаимоотношений государства с церковью и внутрицерковного устройства.
- 6) Принятие, адаптация православными верующими существующих институтов, практик и ценностей социалистического государства и глобально советского общества.

### **Исторические вехи процесса советизации (1917 – середина 1920-х вв.)**

Во всех сферах жизни Российской православной церкви к началу XX в. наблюдался серьезнейший кризис, который остро осознал современника-ми<sup>3</sup>. Наиболее системным был кризис церковно-административного устройства; нравственного и материального состояния приходского духовенства, взаимоотношений между епископатом и белым духовенством, между церковью и светским обществом. Февральская революция 1917 г. послужила стимулом к кардинальным переменам внутри церкви, получившим название «церковной

---

<sup>3</sup> С.Л. Фирсов, *Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.)*, Москва 2002.

революции»<sup>4</sup>. По всем епархиям прокатились чрезвычайные съезды духовенства и мирян, демократизировалась приходская жизнь. Стихийно начавшийся процесс активизации мирянского элемента в церкви, введения выборного начала (прошли избрания епархиальных архиереев, создания епархиальных и благочиннических советов, наместников монастырей) шел во многом параллельно с развитием стихийной выборности в стране и совпал с ростом антиклерикальных, и секулярных настроений в обществе<sup>5</sup>. Первый этап «советизации» в церкви, под которым в данном случае мы понимаем создание выборных органов управления (советов) по аналогии с общественными структурами, начинается с февраля 1917 г. Уже тогда в среде православного духовенства наблюдался процесс разделения по политическим предпочтениям, и существовали крайние, хотя и малочисленные группировки, поддерживающие идеи социалистической революции. Например, Всероссийский съезд демократического православного духовенства и мирян проходил в сентябре 1917 г. под лозунгом «вся власть советам». Обострение отношений внутри церковного сообщества, комплекс нерешенных вопросов внутрицерковной жизни, церковно-государственных отношений, отношения к общественным явлениям – все эти моменты требовали настоятельных подлинно соборных решений, которые должны были консолидировать церковное общество. Эти надежды и чаяния возлагались на открывшийся 15 августа 1917 г. Всероссийский поместный собор, беспрецедентный по своей масштабности, представительности и авторитетности в истории Русской церкви. Из 564 депутатов собора 299 были миряне, и Поместным собором, ставшим своеобразным церковным Термидором, был принят целый комплекс решений, направленных на развитие в церкви инициативы соборности, представивших широкие права самоуправления приходам, санкционировавших активизацию женщин, создание братств и других церковно-общественных инициатив. Однако в связи с развернувшимися гонениями на Церковь провести в жизнь соборные реформы не удалось, и Церковь оказалась неподготовленной к защите себя как института.

Настоящий прорыв в «советизации» произошел в первые годы советской власти в движении, получившем собирательное название обновленчество, которое затронуло, в основном, представителей белого духовенства<sup>6</sup>. Представителями обновленчества руководило как желание приспособиться к новым политическим

---

<sup>4</sup> П.Г. Рогозный, *Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции)*, Санкт-Петербург 2008.

<sup>5</sup> М.А. Бабкин, *Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви)*, Москва 2008.

<sup>6</sup> А.Э. Краснов-Левитин, В.М. Шавров, *Очерки по истории русской церковной смуты: (20-е — 30-е гг. XX в.)*. В 3 томах. — Кюнгахт (Швейцария): Glaube in der 2. Welt, 1978. Переиздано: Москва 1996.

условиям, так и стремление радикально изменить церковную жизнь и занять лидирующие позиции в церковном руководстве. Движение не было структурировано, в нем были представлены разные направления: «Живая церковь», «Союз Церковного Возрождения», «Союз общин Древле-Апостольской Церкви», «Союз Религиозно-трудовых общин», «Свободная Трудовая Церковь», «Петроградская группа прогрессивного духовенства»<sup>7</sup>. Лидеры обновленческого движения объявили о полной и безоговорочной поддержке политики Советской власти и, под давлением ОГПУ, ставившего своей задачей расширение конфликтности в церковной среде, перешли в 1922 г. к активной борьбе с патриаршей церковью, потребовав у патриарха Тихона отказа от руководства Церковью и передачи ее созданному ими ВЦУ. Именно из уст обновленцев прозвучали обвинения высшего церковного руководства в «контрреволюционности», поддержке монархических сил, что означало разворачивание прямых репрессий против епископата и поддерживающих его духовенства и мирян. Показательный судебный процесс над митрополитом Петроградским Вениамином (который отказался поддержать деятельность группы ранее близкого к нему обновленческого священника Александра Введенского), в ходе которого 10 человек было приговорено к расстрелу, явился кровавым рубежом в размежевании православного сообщества.

Осознание обновленцами и их руководителями из ОГПУ к началу 1923 г. исторической роли обновленчества как «советской» церкви (с отодвиганием программы собственно церковных реформ на задний план) становится ясно из предложений к т.н. II обновленческому собору: «исключить из сферы обсуждения канонические вопросы» и «свести Собор к демонстрации торжественного признания Советской власти, декрета об отделении церкви от государства и осуждению Тихона»<sup>8</sup>. Обновленцы стали рупором советской власти в обвинении своих менее гибких единоверцев в «упорном стремлении навязать Церкви политическую роль хранительницы монархического начала, тайного оплота реакционных государственно-политических вождедений...»<sup>9</sup>. Обновленческими лидерами во взаимодействии с ОГПУ были нащупаны те сферы публичной деятельности церковного руководства, потребность в которых советская власть

---

<sup>7</sup> О деятельности обновленцев появился ряд новых систематических исследований. См. М.В. Шкаровский, *Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века*, Санкт-Петербург 1999; И.В. Соловьёв, *«Обновленческий раскол» (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики)*, Москва 2002; Д. Головушкин, *Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века*, Санкт-Петербург 2009.

<sup>8</sup> *Отчетный доклад Антирелигиозной комиссии ЦК РКП (б) о проделанной работе от 22 марта 1923 г. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.*, Москва 1997, с. 371.

<sup>9</sup> *Деяния III Поместного собора православных церквей на территории СССР*, «Вестник Священного Синода» 1926, № 6, с. 13–14.

испытывала на протяжении всего своего существования: – демонстрация свободы совести в СССР; – разворачивание борьбы с эмигрантскими церковными структурами и создание собственных структур за границей; – поддержка и продвижение социалистических идей в международном сообществе; – дискредитация и расправа с неугодными власти церковными деятелями внутри страны.

### 1923 – конец 1930-х гг.

Следующий этап советизации связывается с эволюцией позиций руководства патриаршей Церкви, которое начинает демонстрировать лояльность новой власти (это было вызвано в том числе стремлением избежать разделения церковного сообщества по политическому принципу, к чему фактически сводилась деятельность обновленцев). Политика компромисса, к которой прибегнул патриарх Тихон, была сформулирована в нескольких подписанных им документах, обращенных к церковной общественности: в Заявлении (1923)<sup>10</sup> и в Завещании (1925)<sup>11</sup>. Апофеозом демонстрации признания новой власти и ее легитимности становится «Декларация» 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского, при участии и давлении властей)<sup>12</sup>, которая сообщала об условиях легализации Церкви в Советском государстве (как они озвучивались церковным руководством). Тезис «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи» – вошел в историю церковно-государственных отношений. В «Декларации» церковное руководство ставило условием нахождения в юрисдикции Московской патриархии (в том числе и для зарубежных структур) лояльность к Советскому правительству и выражало ему «всенародно нашу благодарность ... за такое внимание к духовным нуждам православного населения» и обещало не использовать во «зло оказанного нам доверия».

Демонстративная поддержка государственно-политической системы церковным руководством, выполнение политических заданий Советского правительства не повлияли на масштабы и характер репрессий власти против

---

<sup>10</sup> *Воззвание Святейшего Патриарха Тихона и группы иерархов Православной Русской Церкви к верующим об отмежевании Церкви от контрреволюциавгуст 1923 г.*, [в:] *Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг.* ост. М. Губонин, Москва 1994, с. 296–297.

<sup>11</sup> *Послание Святейшего Патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти («Предсмертное завещание»)*. 14 апреля 1925 г., [в:] *Акты святейшего патриарха Тихона...*, с. 361. Исследование по поводу этих текстов: В.В. Лобанов, *Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.)*, Москва 2008.

<sup>12</sup> «Декларация митрополита Сергия» (Страгородского) 29 июля 1927 г., [в:] *Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941*, Москва 1996, с. 224–228.

духовенства и верующих. В 1929 г. в условиях разворачивания коллективизации и индустриализации в стране принимается «Положение о религиозных объединениях»<sup>13</sup>, действовавшее в СССР с некоторыми модификациями до конца советского периода, которое выводило все формы религиозной активности (за исключением богослужения, совершаемого «служителями культа» в специально отведенных зданиях) за границы легального поля. В период «Большого террора» систематическим репрессиям подверглось духовенство и верующие всех конфессий («церковники и сектанты») – вне зависимости от степени их лояльности к советскому правительству<sup>14</sup>.

### 1939–1958 гг.

Новый этап советизации русского православия наступает с началом II Мировой войны, когда в 1939 г. СССР включает в свой состав территории с многочисленным православным населением. Из четырех уцелевших правящих архиереев двое отправляются экзархами на присоединенные территории с целью контроля и унификации церковной жизни в соответствии с условиями Московского патриархата. В 1943 г. в Советском государстве был создан специальный орган, призванный направлять религиозную жизнь внутри страны и выстраивать международную деятельность Церкви<sup>15</sup>. Можно говорить о том, что советизация церковных структур приобретает с возникновением этого органа институционализированный характер. Избранный в 1945 г. патриархом Московским Алексий I (Симанский), «твердо стоял на последовательных, более чем лояльных позициях в отношении внешней и внутренней политики советской власти»<sup>16</sup>. Продвижение влияния СССР за рубежом становится основным направлением взаимодействия советского государства и церковной иерархии<sup>17</sup>.

---

<sup>13</sup> Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», Законодательство о религиозных культах, Москва 1971, с. 83–97.

<sup>14</sup> См. о масштабах репрессий против духовенства: Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447, Москва 2008.

<sup>15</sup> Т.А. Чумаченко, *Власть и РПЦ: отношения, рожденные войной (к вопросу о причинах возрождения государственно-церковных отношений и пределах их эволюции)*, [в:] *Опыт мировых войн в истории России*. Сб. статей, Челябинск 2007, с. 123–144; Т.А. Чумаченко, *Государство, православная церковь, верующие: 1941–1961*, Москва 1999.

<sup>16</sup> См., например., публикации документов М.И. Одинцовым. М.И. Одинцов, «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину, «Исторический архив» 1994, № 3.

<sup>17</sup> С.В. Болотов, *Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е гг.*, Москва 2011.

**1958–1988 гг.**

Следующий этап советизации церковной жизни приходится на период «хрущевских реформ», когда основное усилие коммунистической партии было направлено на воспитание нового, социалистического человека, в связи с этим была развернута антирелигиозная кампания, в ходе которой проводилась идеологическая дискредитация религии и религиозных деятелей, борьба с религиозной обрядностью и заменой ее на гражданскую<sup>18</sup>. Рядом нормативных актов под предлогом борьбы с последствиями культа личности было изменено организационное устройство низовых религиозных структур, была предпринята попытка изъятия финансов у Церкви. На этом этапе произошла смена кадров как чиновников, ответственных за взаимодействие с религиозными институтами, так и высшего церковного руководства, которые позднее оставались на высших должностях до конца советского периода<sup>19</sup>. Прагматизм власти выразился в новом расширении международной активности Церкви, которая принципиально увеличивается с 1958 г. Хотя с отставкой Хрущева сворачивается административный натиск на религию; заложенные в этот период механизмы административного давления, организационного устройства церковных структур, методики отбора кадров и международной деятельности церковного руководства, – работали до Перестройки<sup>20</sup>.

Среди принципиальных векторов советизации представляется необходимым выделить следующие: изменения в организационном устройстве Церкви; формирование кадров духовенства; принятие ценностных ориентиров и идеологических установок.

Остановимся подробнее на последнем векторе: **принятие ценностных ориентиров и идеологических установок**. Усвоение советской риторики и применение ее в церковной среде первыми продемонстрировали обновленцы. Для их публичных выступлений и теоретических разработок было характерно, во-первых, активное использование революционных идей создания подлинно христианской церкви, ее осовременивания, необходимости «перманентной революции» в церковной жизни. Обновленческие деятели, понимая

---

<sup>18</sup> М.В. Шкаровский, *Русская Православная Церковь и советское государство в 1943–64 гг. От «перемирия» к новой войне*, Санкт-Петербург 1995; М.В. Шкаровский, *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах)*, Москва 2005.

<sup>19</sup> А. Марченко, *Религиозная политика советского государства в годы правления Н.С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР*, Москва 2010.

<sup>20</sup> Н.А. Белякова, *Церковь в социалистическом государстве: особенности русской правовой традиции*, «Религии мира. История и современность» 2006–2010, Москва–Санкт-Петербург 2012, с. 428–469.



атеистический характер новой власти, тем не менее выдвинули лозунг концептуальной поддержки социализма, поскольку революция и пришедшая с ней советская власть сделали то, чего не сделала христианская церковь за весь период своего двух тысячелетнего существования – в отдельно взятой стране они приблизили «давнюю мечту человечества о равенстве и счастливой жизни на земле»<sup>21</sup>. Концепция «Капитализм есть смертный грех» была представлена как начало коллективному и благодатному переделу «всем фальсификациям Христовой истины»<sup>22</sup>. Приспособленчество и сервилизм обновленцев, согласно их теоретическим установкам, были мелким и несущественным явлением на фоне предстоящих глобальных свершений, и подчинение обновленческой церкви государству следовало рассматривать, по словам В. Титлинова, как «подчинение внешнее, гражданское. Только такое подчинение и имеет в виду новая церковь»<sup>23</sup>. Во-вторых, обновленцы настойчиво декларировали солидарность с государственной властью в выборе союзников и врагов. Это распространялось как на внешних по отношению к церкви структурам и лицам, так и по отношению к членам церкви (Уже на следующий день после вынесения смертного приговора группе лиц во главе с митрополитом Петроградским Вениамином в журнале «Живая церковь» было опубликовано постановление ВЦУ, лишаящее сана приговоренных к расстрелу священнослужителей). Обновленцы первыми пошли на размежевание с представителями части Церкви, оказавшейся за рубежом, и продемонстрировали готовность защищать интересы Советского государства во внешней политике.

Принятые на II обновленческом соборе в апреле-мае 1923 г. положения представляются важными для понимания процесса советизации в ценностных ориентирах и установках, которые позднее будут реализовываться официальным руководством РПЦ. Собор утверждал, в частности, что «весь мир распался на два класса капиталистов-эксплуататоров и пролетариат» и заявил о христианском содержании социалистической борьбы: «Собор клеймит международную и отечественную контрреволюцию, осуждает её всем своим религиозно-нравственным авторитетом. Собор зовёт каждого честного христианина – гражданина России – единым фронтом, под предводительством Советского правительства, выйти на борьбу с мировым злом социальной неправды». А. Введенским был прочитан доклад на тему «Об отношении Церкви к социальной революции», в котором Советская власть объявлялась защитни-

---

<sup>21</sup> «Советская власть государственными методами одна во всем мире имеет осуществить идеалы Царства Божия», – провозглашал обновленческий собор 1923 года: *Деяния II-ого Всероссийского собора православной церкви. Бюллетени*, Москва 1923, с. 12.

<sup>22</sup> А. Введенский, *Апологетическое обоснование обновленчества*, «Вестник Священного Синода» 1925, № 1, с. 21.

<sup>23</sup> В.Б. Титлинов, *Новая церковь*, Петроград – Москва 1922, с. 33.

цей заветов «социальной правды». Собор направил приветствие правительству Российской республики, ВЦИКу и «верховному вождю рабоче-крестьянской власти В.И. Ленину», низложил патриарха Тихона и лишил его монашества, обвинив его в «служении контрреволюции» и «призывах верующих к контрреволюционной борьбе с советской властью», в результате которой «погибло 1000 человек». Собор был отменен и сам институт патриаршества как «неоправдавший надежд и вредный для дела церковного». Уже на этом соборе были сделаны нужные для власти в международном плане заявления, во-первых, об отсутствии гонений на православную церковь в Советской России; во-вторых, об отлучении от церкви всех членов зарубежного Карловацкого собора; в-третьих, о сотрудничестве с властью «по принципу солидарности Церкви и Государства в общеморальных достижениях увеличения жизненного блага граждан нашего отечества».

Идея «спасения Церкви» через компромисс с властью становится доминирующим мотивом для оправдания своих действий у церковного руководства Московской патриархии. В 1927 г. в выпущенной «Декларации» митрополитом Сергием формулируются принцип признательности власти за возможности для существования Церкви и верующих в СССР; концептуальная поддержка его начинаний, солидарность в борьбе с внутренними и внешними врагами, что, в частности, означало безоговорочное признание права государства на репрессии и безальтернативность внешней политики.

К середине 1940-х гг., выпущенное властью в публичное пространство, церковное руководство начинает активную ретрансляцию советской идеологии и системы ценностей. Декларации социалистических идей в сочетании с русофильскими и имперскими концепциями зазвучали в выступлении митрополитов Николая (Ярушевича), Григория (Чукова)<sup>24</sup> и их менее значительных коллег. Книга *Правда о религии в России*, изданная в 1942 г., переведенная на многие языки и разосланная по всему миру советскими представителями, стала первой ласточкой успешного взаимодействия властей и церковного руководства в идеологической сфере. Документы государственных архивов показывают наличие внутренней консолидации церковных деятелей и советских чиновников при создании документов, направленных на обоснование внешнеполитической активности Советского государства. Наблюдение русских эмигрантов о том, что «Куда не доехал красный танк, туда добрался красный митрополит» отражает новый этап экспорта советизации представителями Московской патриархии. Яркой и талантливой фигурой продвижения идей «коммунистического христианства» или «Церкви в социализме» следует на-

---

<sup>24</sup> См. о нем: В. Сорокин, *Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова)*, Санкт-Петербург 2005.

звать представителя следующего поколения иерархов митрополита Никодима (Ротова)<sup>25</sup>, деятельность которого в церкви являет новый этап советизации в русском православии. Кроме него концепции сосуществования христианских и коммунистических идей развивали на международной арене протоиереи В. Боровой, Л. Воронов, П. Соколовский, богослов Н. Заболотский, в трудах которых давалось богословское обоснование социалистическим идеям и социального переустройства мира. При Никодиме (Ротове) разворачивается активнейшая международная деятельность РПЦ. Декларативная (официальная) часть международной активности официальных представителей РПЦ в 1960–80-е гг. является ярчайшим примером советизации церковной политики, поскольку основной ее задачей было продвижение внешнеполитических интересов Советского государства по ряду направлений: – продвижение социалистических идей в религиозных международных кругах; – поддержка церковных деятелей, сочувственно относящихся к социалистическим идеям; – контроль и направление миротворческого христианского движения; – нейтрализация и дискредитация структур Русской Православной Церкви за рубежом; – недопущение обсуждения на внешнеполитическом уровне вопроса о преследованиях верующих и ограничениях религиозной жизни в СССР.

Важно не забывать, что само по себе активное участие в международной деятельности, выезды в другой мир, знакомство с положением церквей и верующих в других странах, расширение богословских знаний, – было одновременно и средством выживания церкви в атеистическом государстве, способствовало повышению богословского уровня отдельных представителей Церкви, давало возможность для оформления системы «торга» с авторитарной властью<sup>26</sup>. Принципиальными моментами этого этапа советизации является не столько создание богословских доктрин (которые к тому же часто были вторичны), обосновывающих превосходство социалистических идей, сколько безоговорочная поддержка советского государства во всех его инициативах, активное участие церковных деятелей в «идеологической борьбе» с капиталистическим окружением, сопровождавшееся сознательной постоянной ложью о подлинно миротворческом характере советского государства и об отсутствии преследований верующих в СССР. Митрополит Никодим верил в возможность заставить власть почувствовать пользу от присутствия Православной церкви в общественно-политической жизни и, согласно воспоминаниям его учеников, часто говаривал: «Мы ещеждемся

---

<sup>25</sup> См. о нем: Августин (Никитин), архимандрит., *Церковь плененная. Митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников)*, Санкт-Петербург 2008.

<sup>26</sup> А. Beglov, N. Belyakova, *International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study*, [В:] *Christian World Community and the Cold War*. International Research Conference. Ed. Julius Filo, Bratislava 2012.

того времени, когда заседание Политбюро будет начинаться с пения „Царю небесный».

В послевоенный период наблюдается еще одно важное явление, которое, безусловно, является продуктом советизации: кроме поддержки и ретрансляции теоретических, идейных установок государства, становится нормой участие церковных деятелей и в – гражданских праздниках, церемониях, иногда приобретающих характер квази-религиозных ритуалов, поздравлениях высшего руководства страны с памятным датами. Эти действия должны были быть знаком, маркером лояльности по отношению к власти, с другой стороны, показывали искреннее желание церковной среды полностью слиться с социалистическим обществом. Например, церковное руководство обязательно принимало участие в официальных церемониях советских праздников – 1 мая, 7 ноября (встречалось с высшим руководством страны в Кремле на приемах в честь Октябрьской революции), 9 мая (возлагали венки к вечному огню).

Патриарх Алексей I (Симанский) называл в своих письмах 1 Мая «светлым днем», «общим для всех нас Первомайским праздником». Так, 30 апреля 1948 г. он писал Г. Карпову: «Дорогой Георгий Григорьевич! Поздравляю Вас с Первым мая – праздником всех трудящихся. Не исключаю и себя из этой категории и имею большое удовлетворение в том, что мой труд в большой степени переплетается с Вашим трудом и что этот наш совокупный труд совершается на пользу не только Церкви, но и Родины нашей»<sup>27</sup>. Одно время в издававшихся РПЦ *Православных церковных календарях* Первомай выделялся в ряду с большими церковными праздниками.

Церковное руководство участвовало в поддержке и формировании культа советских вождей. Например, в журнале Московской патриархии, в церковном календаре отмечались дни «памяти» Ленина, а в первом номере ЖМП за 1950 г. была опубликована статья с названием *Молитвенное участие церкви в праздновании 70-летия И.В. Сталина*<sup>28</sup>, в которой кроме перечисления заслуг вождя и славословий в его адрес сообщалось, что о его здравии «русские церковные люди молились во всех православных храмах 21 декабря 1949 года». Митрополитом Григорием (Чуковым) была предложена формула заупокойного поминовения Сталина: «Об упокоении души Верховного Вождя Советского Союза новопреставленного Иосифа». Она звучала в марте 1953 г. во время панихиды в церкви Ленинградской духовной академии.

---

<sup>27</sup> *Письма патриарха Алексея I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг.* В 2 т. Под ред. Н.А. Кривовой, отв. сост. Ю.Г. Орлова, сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. Т. 1: 1945–1953 гг., Москва 2009, с. 370.

<sup>28</sup> <http://archive.jmp.ru/page/index/19500110.html>.

С одной стороны, речь идет о некоем жанре славословий в отношении власти, отработанном в православной традиции, с другой стороны, степень участия служителей «другого Бога» в квазирелигиозных культах вождей, сознательно конструируемых антирелигиозным режимом<sup>29</sup>, обращает на себя внимание. Самое поразительное, что утверждение о том, что «Мы, церковные люди, должны благодарить его особенно за его участливое отношение к нашим церковным нуждам; всякий церковный вопрос, соприкасающийся с гражданскими сферами, он разрешает в благоприятном для Церкви смысле. Святая Церковь наша имеет в нём верного защитника» – было принято на веру частью церковного сообщества.

### **Процесс советизации в Православной церкви на присоединенных территориях**

По итогам II Мировой войны в состав СССР окончательно вошли Зап. Украина, Зап. Белоруссия, Северная Буковина, Бессарабия, Закарпатье, прибалтийские республики, на которых находились православные епархии (или автономные Православные Церкви), входившие в юрисдикцию различных православных церквей: Константинопольской, Польской, Румынской, Сербской и имевшие свои местные, исторически сложившиеся традиции. Кардинальному увеличению Московского патриархата способствовало также насильственное присоединение на Львовском соборе 1946 г. греко-католических епархий исторической Галиции и в 1949 г. униатов Закарпатья. Эти присоединения превратили Московский патриархат в крупнейшую православную церковь Восточной Европы. После их безальтернативного включения в состав Московского патриархата и превращения в обычные епархии наблюдается стремление церковного руководства к постепенной унификации церковного управления, производится смена архиерейского состава и чистка приходского духовенства.

Однако присоединенные территории, особенно западной Украины, с религиозно-активным населением, высоким процентом духовенства, народной религиозностью, отличающейся высокой экспансивностью в связи с тем, что сформировалась на пограничных территориях, кардинально поменяли ситуацию внутри самого Московского патриархата и оказали влияние на ее развитие в последующие десятилетия: каждый четвертый приход РПЦ был раньше униатским, и каждый десятый священник был «воссоединенным» из греко-католичества. В результате присоединений и открытия на оккупированных

---

<sup>29</sup> С.Л. Фирсов, *Перевернутая религия: советская мифология и коммунистический культ*, www.orthodoxia.org (05.2016).

территориях православных храмов<sup>30</sup> к июлю 1946 г. в СССР находились 61 архиерей РПЦ и 13215 действующих православных церквей. При этом, если всего в СССР сохранилось 27% православных храмов от положения на 1916 г., то в Украине – 70% (в РСФСР – 8%, в БССР – 20%). Центрально-российские епархии после глобальных репрессий 1930-х гг., массового закрытия церквей, разрушения сельской народной культуры получили мощное влияние «западенского» духовенства на все аспекты церковной жизни, начиная от внешнего вида духовенства, формы совершения богослужения и пения, возникновения новых мирянских практик. Поскольку этот процесс возник как следствие советской религиозной политики, его необходимо упомянуть, однако вряд ли корректно утверждать, что советская политика была направлена на распространение западно-украинской религиозности на весь Союз.

Особое беспокойство у церковного руководства вызывала ситуация во вновь присоединенных западных епархиях, в которых к тому же большая часть духовенства и мирян были насильственно присоединены из греко-католичества. Московским патриархатом на протяжении 1940–80-х гг. принимался комплекс мер по унификации церковной жизни в этих епархиях. Этот процесс сложно объединить одним понятием советизация. Это и русификация, и православизация, и борьба с народной религиозностью. Однако представляется крайне важным понимать, что в силу комплекса причин **партийные** инстанции, напр., Украины старательно боролись (и стимулировали православную иерархию и духовенство) с теми явлениями религиозной жизни, которые они считали проявлениями униатства.

В епархиях Западной Украины инородный характер унификации православной жизни не оставлял сомнений. Ярким примером насильственного вмешательства партийного аппарата в религиозную жизнь является записка заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК КПУ Л. Кравчука (1982 г.), который сообщал, что во «многих православных общинах... богослужения, обряды, культовые действия проводятся по-униатски. В культовой практике открыто используется униатская атрибутика, греко-католическая богослужебная литература». Кравчук предлагал комплекс мер по искоренению «униатской обрядности», в частности проведение совместно с Экзархатом РПЦ проверки православных храмов в западных областях Украины с целью изъятия из них «униатской атрибутики, литературы». Также он предлагал «решить вопрос через учебный комитет Московской Патриархии про усиление критики униатства в учебном процессе духовных заведений, а также про нецелесообразность направления на службу в эти епархии выпускников – выходцев из

---

<sup>30</sup> М.В. Шкаровский, *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах)*, Москва 2000.

западных областей УССР»<sup>31</sup>. О стремлении чиновников унифицировать религиозную жизнь в Зап. Украине руками православных иерархов и духовенства свидетельствует публикуемая в приложении запись беседы с епископом Мукачевским и Ужгородским Саввой (Бабинцом). Насильственная советизация религиозной жизни в Западной Украине, постоянное вмешательство, инфильтрация агентов в церковные структуры, – все эти явления способствовали разворачиванию в конце 1980-х гг. беспрецедентного на постсоветском пространстве меж-и-внутрицерковного конфликта, который до сих пор не преодолен.

### **Трансфер советизации в страны Восточной Европы**

Продвижение войск СССР в ходе II мировой войны на территорию Восточной Европы и стремление СССР укрепить свое влияние в регионе, в котором находились сильные, общественно и политически значимые христианские церкви, вызвало необходимость установления взаимодействия на уровне церковных институтов. Представители Московской патриархии с 1942 г. начинают свою работу среди православного населения Восточной Европы (обращения к духовенству Румынии, воззвание «Всем христианам в Югославии, Чехословакии и прочих странах и народам, томящимся под гнетом фашистских оккупантов»). Среди православного населения и духовенства славянских стран традиционно доминировало положительное отношение к России и русскому православию, оказавшим значительную поддержку братьям-славянам в период борьбы за независимость; значительное число церковных иерархов владели русским языком, получили образование в дореволюционных российских духовных школах (напр., патриарх Румынский Никодим). К тому же, при поддержке России церковное руководство надеялось решить свои проблемы, напр., Болгарская церковь надеялась преодолеть схизму и получить официальную автокефалию, а сербское население испытывало негативное отношение к католицизму в связи с действиями усташей. РПЦ должна была способствовать и консолидации стран Восточной Европы с СССР на почве их общеславянской православности. Спецификой ситуации в православных странах, особенно в Сербии, было сильное влияние представителей Русской православной церкви за рубежом; и нейтрализация их влияния стала важной задачей Московской патриархии. При анализе развернутого представителями Московской патриархии при поддержке государственной власти процесса было бы слишком ограничено сводить эту деятельность к простому участию в распространении влияния СССР и «советизации» этих стран: Московская патриархия имела давнюю традицию покровительства угнетаемым православным славянам в этом

---

<sup>31</sup> ЦГАГОУ. Ф. 1. ОП. 25. Д. 1403. Л. 3–4.

регионе, традиционно ей было присуще желание доминировать среди восточно-славянского православия в противовес Ватикану и грекам; традиция комплексного влияния на православные церкви этих стран через материальную поддержку, распространение литературы, обучение духовенства в российских учебных заведениях, – была уже освоена в предшествующие столетия.

Внутри стран Восточной Европы, поддерживаемые Советами, сторонники «народной демократии» в последние годы Второй мировой войны стремились найти союзника в церковных рядах, заявляя о необходимости народной (или живой) церкви, и были заинтересованы в обеспечении лояльности со стороны влиятельного церковного руководства. Теоретическим критерием для благожелательного отношения набирающей постепенно полномочия новой власти являлась степень антифашистской деятельности руководства конфессий во время войны, однако на практике ситуация выглядела значительно сложнее. На декларативном уровне политические деятели, представляющие позиции партий «народной демократии», ориентировались в своих установках на модели, предлагаемые старшим братом – Советским Союзом, в том числе и в религиозном вопросе. Болгарская делегация, приехавшая в СССР в 1944 г., заявила о своем желании взять за основу церковно-государственных отношений модель, действующую в Советском Союзе. Одновременно представители «народно-демократических кругов» стремились к поддержке и стимулированию «демократических» союзов белого духовенства. Такие организации были созданы в 1945–47 гг. в Румынии, Болгарии и Югославии. Если в Болгарии Союз священников был преемником профессиональной культурно-просветительской и благотворительной организации, возникшей в 1903 г., то в Румынии и Югославии (в 1947 г.) эти организации появились впервые, и Т. Волокитина уверенно пишет об их политически ангажированном характере<sup>32</sup>.

Доступным примером про-советской ориентации является деятельность группы «священников-демократов», оформившейся при Союзе патриотов в Румынии после смены власти в августе 1944 г. Эта группа, а затем Союз священников, выступала за румыно-советское сближение, декларировала желание наладить тесный контакт с Московской патриархией и активно интересовалась положением религии в СССР. Т. Волокитиной были выявлены документы о внимании советских представителей к деятельности этих союзов и сборе информации о реакции на их активность. В частности, проведение аналогий болгарским и сербским церковным руководством в отношении «демократически ориентированных» священников с советским обновленчеством было зафиксировано представителями советской стороны. Тем не менее,

---

<sup>32</sup> Т. Волокитина, Г. Мурашко, А. Носкова, *Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50 годов XX в.*, Москва 2008.



сложно говорить о жестком противостоянии между Союзами и официальными церковными руководствами, которые в Болгарии, Сербии, Румынии осторожно вели диалог с новой властью, не стремились к обострению конфликта с «демократически» настроенным белым духовенством и аккуратно старались соблюдать дистанцию с представителями Московской патриархии.

В советских документах была зафиксирована поддержка румынским духовенством демократического фронта на выборах в ноябре 1946 г., «когда Румынская православная церковь, по указанию Никодима, только что вернувшегося из Москвы, во многом способствовала победе демократического фронта»<sup>33</sup>. Патриарх Алексий (Симанский) и председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов получили в награду орден «Звезда Румынии».

Еще до окончания II Мировой войны перед руководством РПЦ была поставлена задача обеспечить лояльность по отношению к СССР и создание системы православного единства; именно поэтому 22 мая 1945 г. патриарх Алексий был отправлен в беспрецедентную для русской истории поездку на Святую землю, Кипр, страны Ближнего Востока, в ходе которой он встретился с Иерусалимским, Александрийским и Антиохийским патриархами. Православные церкви Восточной Европы нужны были для представителей СССР в середине 1940-х гг. для обеспечения доминирования РПЦ в православном мире и с целью противостояния Ватикану, оттеснения Константинополя и борьбы с политически враждебной РПЦЗ. Поэтому работа шла в направлении получения поддержки и признания авторитета РПЦ и поддержки малых православных церквей с целью увеличения числа «союзнических» голосов, как, например, в случае с Албанской<sup>34</sup> или Чехословацкой церквями.

Благодаря активному участию Московской патриархии удалось решить с Константинополем вопрос об урегулировании статуса Болгарской православной церкви; при этом СССР вынужден был выплатить субсидию Вселенскому патриархату (поскольку греческое правительство отказало ему в помощи) и выделить в 1947 г. крупный «займ» руководству Болгарской церкви<sup>35</sup>. Важную роль в сближении с СССР играли также визиты церковных делегаций поместных церквей в СССР, которых принимали с большой пышностью, дарили щедрые подарки, а после возвращения они утверждали, что всецело

---

<sup>33</sup> РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 125, Д. 407. Л. 131. В Румынии министерство культов возглавлял ориентированный на Советский Союз Константин Бурдуча.

<sup>34</sup> Зам. председателя Совета по делам РПЦ утверждал в письме К.Е. Ворошилову: «Московская патриархия приобретет в Албании аванпост для борьбы с католицизмом» – Болотов, с. 182 со ссылкой на ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 289. Л. 23.

<sup>35</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132, 150.

ориентируются «на Восток, на великий могучий Советский Союз, на Русскую Церковь и Патриарха Алексия»<sup>36</sup>.

Пожалуй, о наиболее откровенном экспорте советизации можно говорить в отношении малочисленной Чехословацкой православной церкви, которая была переведена из юрисдикции Сербской ПЦ в Московский патриархат (получила автокефалию от Москвы в 1951 г.; решение о ней было предварительно принято Совмином СССР). Возглавил новую церковь советский гражданин митрополит Елевферий (Воронцов). «Нормализацией» ситуации в Чешской ПЦ и переводом в ее юрисдикцию греко-католических приходов занимался непосредственно председатель Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР Г. Карпов, который сам ездил в июне 1946 г. в Чехословакию.

В целях расширения влияния Москвы на Финляндию была предпринята настойчивая попытка ввести Финляндскую православную церковь в состав Московского патриархата (из-под юрисдикции Константинополя), для этого предлагался вызов финляндских епископов Германа и Александра в Москву, «реорганизация церковного управления в Финляндии» и «замена финляндских епископов кандидатами по усмотрению Московского патриархата». По мнению зам. председателя Совета по делам РПЦ К.С. Бельшова, «проведением в жизнь этих мероприятий деятельность Православной церкви в Финляндии получит надлежащее направление и может оказать немалую услугу в борьбе с местными шовинистическими антисоветскими настроениями»<sup>37</sup>. Однако в связи с изменившимися политическими обстоятельствами, жесткой позицией местного духовенства, эта попытка успехом не увенчалась<sup>38</sup>.

В целом представляется затруднительным говорить о наличии каких-либо серьезных успехов в деле переноса советских моделей в религиозную жизнь церковью Восточной Европы. Попытки переноса советских моделей, особенно в религиозной жизни, вызывали достаточно сильное сопротивление. Неприкрыто враждебное отношение к религии в коммунистической России и «ангажированность» представителей Московской патриархии вызывали настороженную реакцию местного церковного руководства, что безусловно затрудняло осуществление процесса советизации. Нетактичное поведение эмиссаров Московской патриархии в середине 1940-х гг. и их пренебрежительное отношение к другим автономным церквям, радикальные требования, которые они ставили перед церковным руководством стран Восточной Европы, перевод их епархий в юрисдикцию МП вызвали негативную реакцию.

---

<sup>36</sup> О.Ю. Васильева, *Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.*, Москва 2001, с. 160.

<sup>37</sup> РГАСПИ, Ф. 82. Оп. 2. Д. 500. Л. 57.

<sup>38</sup> Шевченко.

Образное высказывание митрополита Скоплянского Иосифа о том, что православные сербы, хотя и привязали свою малую ладью – Сербскую церковь к великому русскому дрезднуу, но хотели бы быть в своей ладье абсолютно самостоятельными,<sup>39</sup> – процитированное в документах советской стороны, показывает сложности, на которые неожиданно натолкнулись представители МП. Документы советских отчетов показывают, что представителям МП, разворачивающим свою международную активность в середине 1940-х гг., легче было найти общий язык с партийным руководством стран Восточной Европы, чем с местными православными; и представители МП могли единым фронтом с руководством страны «продавливать» местное церковное руководство для принятия нужного решения.

Важно подчеркнуть, что в каждой из стран и церквей Восточной Европы ситуация была уникальной и подводить общий знаменатель и выделять единые схемы развития не представляется возможным. Православная церковь в странах Восточной Европы имела предшествующий опыт существования в государстве как влиятельной национальной организации и до падения коммунистических режимов никогда не была столь ограничена как в СССР; безусловно, была создана жесткая система контроля, однако она в значительной степени воспроизводила привычную модель церковно-государственных отношений предшествующего периода. Православие здесь оставалось важным конструктом для создания / трансляции национальной и государственной идентичности. Безусловно, коммунистические правительства стремились ограничивать участие церкви в публичной, образовательной и семейной сфере, однако в восточноевропейских обществах шли сложные процессы модернизации, секуляризации, независимые от СССР. В отличие от СССР, до конца существования Восточного блока «советизация» воспринималась как нечто чужеродное, принесенное извне и, соответственно, легче отторгалась. В современной конфессиональной восточноевропейской историографии регулярно повторяется тезис о том, что современные проблемы православия – во многом результат жесткого вмешательства Советского союза в жизнь церквей Восточной Европы.

## Заключение

Процесс советизации значительно повлиял на организационно-административные, кадровые и публично-общественные стороны жизни Русской православной церкви. Представители РПЦ вынуждены были участвовать в распро-

---

<sup>39</sup> Т.В. Волокитина, *Государство и православные автокефальные церкви*, 2013, с. 324 со ссылкой на ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 97.

странении советской идеологии и советской системы ценностей через свою международную деятельность и кадровую политику. Тоталитарно-авторитарный режим, насаждавший атеизм и ставивший своей целью уничтожение Церкви, параллельно проводил и советизацию церковных институтов с целью инструментализации церкви в своих интересах. Церковный организм оказался восприимчив к советизации в результате беспрецедентных тотальных репрессий, которым подверглось наиболее активное духовенство, монашество и миряне, а также использования комплекса мер давления на церковное руководство: различных форм преследований, шантажа, дезинформации. Другим фактором, облегчившим процесс советизации, было внутреннее состояние церковной системы, которая в результате жизни в синодальный период в качестве «ведомства православного исповедания» и отсутствия традиции автономии церкви от государства оказалась внутренне открытой для вмешательства государственных структур. Вместе с тем очевидна ограниченность успехов советизации в силу несовместимости христианских ценностей, проповедуемых Церковью, и идеологии, а главное, практики тоталитарного коммунистического государства. Сама по себе проповедь христианских ценностей была вызовом советскому обществу. Церковное сообщество, особенно люди, прошедшие через репрессии и войну, имели иммунитет против советской идеологии. Советизация была, в значительной степени, «экспортным» продуктом и озвучивание социалистических идей было обусловлено правилами игры, условность которой понимали представители Церкви, но включались в систему советского «двоемыслия». Тем не менее, трансформация церковных организационных структур внутри страны, формирование кадров духовенства, готовых участвовать в идеологическом обеспечении режима, включение церковного руководства в систему советских привилегий, – способствовало распространению «советскости» внутри церковного сообщества, живучесть которой остро ощущается в современной церковной жизни.

Прямое вмешательство СССР в религиозную жизнь стран Восточной Европы наблюдалось до 1956 г., и в этот период можно выделить следующие направления участия Советов в деятельности церквей этих стран: осуществление на законодательном уровне «отделения» церкви от государства и школы от церкви, секуляризация церковного имущества, вывод семейной сферы из-под влияния церкви; ограничение влияния Ватикана; стимулирование создания и поддержка альтернативных групп духовенства в противовес традиционной консервативной иерархии с целью раскола и дестабилизации церквей. «Советизация» шла двумя потоками: через официальные советские каналы, советников, представителей СССР и через представителей Московской патриархии; эти направления, несмотря на единство декларируемых целей, могли иногда расходиться и иметь разно-векторную направленность. Если первое наиболее

жесткое, грубое вмешательство СССР продолжалось до середины 1950-х г., то влияние Московской патриархии оставалось и в дальнейшем и имело более сложный комплекс результатов воздействия.

В дальнейшем попытки «советизации» предпринимались через вмешательство во внешнеполитическую деятельность руководства церквей Восточной Европы, которые были несвободны и лишены права партнерского голоса при разработке и принятии решений в области участия в международных религиозных организациях. Необходимость отстаивания концепций, присылаемых из СССР, ограничивала возможности для выработки собственной позиции. Представители СССР монополизировали и регулировали участие в экуменическом движении, перехватили инициативу в миротворческой деятельности (наиболее яркий пример – деятельность Христианской мирной конференции, многолетним руководителем которой был доктор Громадка). Специфика участия представителей церквей стран Восточной Европы заключалась еще и в наличии определенной разбалансировки интересов СССР и национального руководства стран Восточной Европы.